

РЕФОРМА МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

© 2022 г. И. В. Гетьман-Павлова^{1, *}, А. С. Касаткина^{1, **},
И. Р. Рустамбеков^{2, ***}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

²Ташкентский государственный юридический университет, Республика Узбекистан

*E-mail: getmanpav@mail.ru

**E-mail: akasatkina@hse.ru

***E-mail: prof.rustambekov@gmail.com

Поступила в редакцию 25.02.2022 г.

Аннотация. В 2019 г. в Республике Узбекистан была принята Концепция совершенствования гражданского законодательства, в соответствии с которой начат процесс модернизации действующего Гражданского кодекса. В рамках этого процесса проводится и реформа международного частного права. Разработан проект раздела VI Гражданского кодекса Республики Узбекистан «Применение норм международного частного права (коллизионных норм) к частноправовым отношениям», предусматривающий пересмотр правил выбора права, применимого к частным отношениям, связанным с иностранным правом. В статье с применением сравнительно-правового, диалектического и формально-логического методов анализируются значимые изменения, которые планируется внести в главу 62 «Общие положения». Среди важнейших новелл можно отметить: 1) установление приоритета унифицированного материально-правового (прямого) метода регулирования отношений сферы международного частного права; 2) формулировка самостоятельной нормы «основные начала международного частного права»; 3) позиционирование автономии воли сторон как самостоятельного принципа международного частного права; 4) расширение возможности экстерриториального применения иностранного права в Узбекистане или на его отдельных территориях; 5) коррекция оговорки о публичном порядке; 6) разработка модели субсидиарной отсылки для применения права страны с множественностью правовых систем. Все предлагаемые в Проекте изменения кардинальным образом меняют действующее регулирование. Если эти изменения будут приняты, Узбекистан получит юридически квалифицированное, доктринально обоснованное и актуальное законодательство по МЧП. Одновременно есть целый ряд вопросов, которые не получили своего отражения в Проекте или не подверглись необходимым новациям. В частности, представляется необходимым: 1) уточнить понятие «иностраный элемент»; 2) разработать и легально закрепить глоссарий основных понятий и терминов; 3) актуализировать регулирование таких институтов, как «правовая квалификация», «установление содержания иностранного права», «обратная отсылка»; 4) разработать самостоятельное нормативное регулирование проблем адаптации, мобильного конфликта, предварительных и побочных коллизионных вопросов. В статье сделан вывод о том, что в целом предлагаемая специалистами модель коллизионного регулирования учитывает основные тенденции развития международного частного права и содержит достаточно гибкие, но при этом вполне определенные и предсказуемые правила выбора применимого права, соответствующие законным ожиданиям сторон.

Ключевые слова: международное частное право, Республика Узбекистан, Гражданский кодекс, кодификация, реформа, коллизионное регулирование, общие начала.

Цитирование: Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С., Рустамбеков И. Р. Реформа международного частного права в Республике Узбекистан // Государство и право. 2022. № 7. С. 132–145.

DOI: 10.31857/S102694520021000-1

REFORM OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW IN THE REPUBLIC UZBEKISTAN

© 2022 I. V. Getman-Pavlova^{1, *}, A. S. Kasatkina^{1, **},
I. R. Rustambekov^{2, ***}

¹National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

²Tashkent State University of Law, Republic of Uzbekistan

*E-mail: getmanpav@mail.ru

**E-mail: akasatkina@hse.ru

***E-mail: prof.rustambekov@gmail.com

Received 25.02.2022

Abstract. In 2019, the Concept of Improving Civil Legislation was adopted in the Republic of Uzbekistan, according to which the process of modernization of the current Civil Code has begun. As part of this process, the reform of Private International Law is also being carried out. Developed a draft of Section VI of the Civil Code of the Republic of Uzbekistan “Application of the norms of Private International Law (conflict of laws norms) to private law relations”, which provides for a radical revision of the rules for choosing the law applicable to private relations related to foreign legal order. The article analyzes the most significant changes that are planned to be made to Chapter 62 “General Provisions” using comparative legal, dialectical and formal-logical methods. Among the most important novelties are: 1) establishing the priority of a unified substantive (direct) method of regulating relations in the sphere of Private International Law; 2) formulation of an independent norm “The basic principles of Private International Law”; 3) positioning the autonomy of will of the parties as an independent principle of Private International Law; 4) expansion of the possibility of extraterritorial application of foreign law in Uzbekistan or in its separate territories; 5) correction of the public policy clause; 6) development of a model of subsidiary reference for the application of the law of a country with a plurality of legal systems. All the changes proposed in the Draft radically transform the current regulation. If these changes are adopted, Uzbekistan will receive legally qualified, doctrinally sound and relevant legislation on Private International Law. At the same time, there are a number of issues that have not been reflected in the Draft or have not undergone the necessary innovations. In particular, it seems necessary: 1) to clarify the concept of “foreign element”; 2) to develop and legally consolidate a glossary of basic concepts and terms; 3) to update the regulation of such institutions as “legal qualification”, “establishment of the content of foreign law”, “renvoi”; 4) to elaborate independent normative regulation of adaptation problems, mobile conflict, preliminary and secondary conflict issues. The article concludes that, in general, the model of conflict of laws regulation proposed takes into account the main current trends in the development of Private International Law and contains quite flexible, but at the same time quite definite and predictable rules for choosing the applicable law that correspond to the legitimate expectations of the parties.

Key words: Private International Law, Republic of Uzbekistan, Civil Code, codification, reform, conflict of laws regulation, common principles.

For citation: Getman-Pavlova, I.V., Kasatkina, A.S., Rustambekov, I.R. (2022). Reform of Private International Law in the Republic Uzbekistan // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 132–145.

Введение. В эпоху глобализации, свободного трансграничного перемещения капиталов, товаров, работ и услуг, развития трансграничного телекоммуникационного обмена подавляющее большинство частноправовых отношений имеет юридическую связь с правовыми порядками двух и более государств. При этом процессы глобализации и интернационализации частной жизни, формируя особое международно-правовое поле, в большинстве своем все же происходят в рамках национальных юрисдикций и национальных правовых систем. В связи с этим имеет особое значение наличие у каждой страны ее собственных юридически квалифицированных, детальных и подробных правил выбора права, подлежащего

применению к трансграничным частноправовым отношениям. Корректный выбор применимого права облегчает процесс признания и приведения в исполнение иностранных судебных, арбитражных и иных актов, повышает определенность и предсказуемость судебных решений.

В Республике Узбекистан в соответствии с Концепцией совершенствования гражданского законодательства, одобренной распоряжением Президента РУз от 5 апреля 2019 г. № Р-5464¹

¹ См.: URL: <https://lex.uz/ru/docs/4272619> (дата обращения: 08.02.2022).

(далее – Концепция), идет процесс модернизации действующего Гражданского кодекса. В рамках этого процесса проводится и реформа международного частного права (далее – МЧП), коллизионные нормы которого составляют разд. VI «Применение норм международного частного права к гражданско-правовым отношениям» ГК РУз². Законодатель Узбекистана не воспринял идеи принять комплексный автономный закон о МЧП, построенный по триаде (международная юрисдикция – применимое право – признание и исполнение иностранных решений), хотя такой способ кодификации МЧП поддерживается учеными³. Трехчастная структура нормативных актов, регулирующих отдельные сферы МЧП, воспринята в международных универсальных⁴ и региональных⁵ документах, в европейском праве⁶, на национальном уровне⁷. К сожалению, законодатель Узбекистана предпочел «полуреформу», т.е. модернизацию МЧП в рамках совершенствования своего гражданского законодательства.

В качестве одной из целей реформы МЧП в Узбекистане обозначен «пересмотр норм международного частного права, в том числе рассмотрение возможности закрепления принципа альтернативного применения права разных стран, использование в качестве дополнительной альтернативной коллизионной привязки отсылку к праву, регулируемому существо обязательства, определение круга внедоговорных обязательств, в отношении которых предусматривается коллизионное регулирование» (п. II.12 Концепции). Кроме того, законодателем были сформулированы важнейшие для повышения инвестиционной привлекательности страны законопроектные задачи по введению «порядка экстерриториального применения иностранного права на территориях свободных

экономических зон и других отдельных территориях Республики Узбекистан» и «усилению правового статуса и расширение прав филиалов иностранных коммерческих организаций в Республике Узбекистан» (п. IV.4 и III.6 Концепции). На основе обозначенных законодателем целей и задач специалисты подготовили проект закона (далее – Проект), предусматривающий модернизацию правил выбора права, подлежащего применению к трансграничным частным отношениям⁸.

Предлагаемые изменения имеют масштабный характер, в связи с чем в объеме одной научной статьи их все проанализировать невозможно. В настоящем исследовании представляется целесообразным сосредоточиться на отдельных, наиболее содержательных новеллах, которыми должна быть дополнена гл. 62(70)⁹ «Общие положения» разд. VI ГК РУз.

1. Приоритет унифицированного материально-правового (прямого) метода регулирования отношений сферы МЧП¹⁰. Предлагаемая новация нацелена на ограничение сферы применения коллизионных норм, если международный договор Республики Узбекистан содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отношению. По мнению разработчиков Проекта, новая норма «ограничивает сферу применения коллизионного метода регулирования и, соответственно, коллизионных норм, содержащихся в Гражданском кодексе, в случае, если международный договор Республики Узбекистан содержит материально-правовые нормы, подлежащие применению к соответствующему отношению... и позволит раскрыть один из важнейших аспектов соотношения материально-правовых и коллизионных норм, материально-правового и коллизионного способов регулирования».

Коллизионный метод – исторически первый, традиционный, «естественный» метод МЧП, фундамент и первооснову которого составляют коллизионные нормы. В литературе его формирование относят к средним векам¹¹. На самом деле,

² См.: URL: <https://lex.uz/docs/111181> (дата обращения: 08.02.2022).

³ См.: *Rakhmonkulova N. Issues of Improving the Legal Documents' Codification of the Private International Law // The Advanced Science Journal. 2015. Issue 4. P. 96–98.*

⁴ См.: Гагские конвенции о юрисдикции, применимом праве и признании решений об усыновлении (1965); о юрисдикции, применимом праве, признании, принудительном исполнении и сотрудничестве в отношении ответственности родителей и мер по защите детей (1996).

⁵ См.: Проект Типового закона о МЧП ОХАДАК. Тексты законодательных актов по МЧП иностранных государств даны по сайту: Научно-учебная группа «Современная конструкция международного частного права» НИУ ВШЭ. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/> (дата обращения: 08.02.2022).

⁶ См.: Регламенты Совета ЕС от 18.12.2008 г. № 4/2009; от 04.07.2012 г. № 650/201; от 24.06.2016 г. № 2016/1103; от 24.06.2016 г. № 2016/1104.

⁷ См.: Законы о МЧП Швейцарии, Монако, Албании, Италии, кодексы МЧП Турции, Туниса, Бельгии, Болгарии, Панамы.

⁸ См.: Проект новой редакции Гражданского кодекса Республики Узбекистан (на узб. яз.). URL: <https://regulation.gov.uz/uz/d/29059> (дата обращения: 18.02.2022).

⁹ Здесь и далее: гл. 62(70) – гл. 62 Проекта ГК РУз, гл. 70 ГК РУз в действующей редакции.

¹⁰ Абзац 5 ст. 1132(1158): «Определение права, подлежащего применению к частноправовым отношениям на основании коллизионных норм, не осуществляется, если международным договором Республики Узбекистан предусмотрено применение к соответствующим отношениям материально-правовых норм» (здесь и далее – ст. 1132(1158) – ст. 1132 Проекта ГК РУз, ст. 1158 ГК РУз в действующей ред.).

¹¹ См.: *Новикова Т. В. Коллизионный и материально-правовой методы международного частного права: соотношение и взаимодействие // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 32. С. 153.*

ситуации решения коллизионного вопроса и выбор права, т.е. применение коллизионного метода, имели место в судебной практике Древнего мира¹². Материально-правовой метод также появился в Древнем мире (но позднее коллизионного) в связи с заключением международных соглашений, закреплявших прямое регулирование отношений с участием иностранных лиц. Некоторые авторы, однако, первенство коллизионного метода оспаривают — например, известный ученый С.К. Симеонидес утверждает, что материально-правовой метод регулирования является старейшим, и появился он раньше коллизионного. Это метод *jus gentium*, созданный римским претором перегринов, который вместо того, чтобы выбрать право одной из вовлеченных в дело стран, концентрировал свое внимание на нуждах конкретного дела и создавал конкретное подходящее материальное решение¹³.

Утверждение С.К. Симеонидеса можно оспорить, но для целей настоящего исследования не имеет значения, какой из методов появился раньше. Во всяком случае в законодательстве, доктрине и практике доминирует позиция, что унифицированный материально-правовой метод должен иметь приоритет по отношению к коллизионному. При наличии прямого международного регулирования применение коллизионного метода исключается; он используется в отсутствие международного регулирования и для восполнения в нем пробелов¹⁴. Например, п. 3 ст. 1186 ГК РФ содержит положение, идентичное абз. 5 ст. 1132(1158) Проекта.

Подобный подход обусловлен как практическим удобством прямого метода регулирования, так и принципом верховенства международного права. Материально-правовой метод следует понимать как регулирование частноправовых отношений с иностранным элементом, непосредственно унифицированных материально-правовыми нормами и нормами прямого действия¹⁵. Такое регулирование осуществляется за счет действия единообразных международно-правовых норм, специально ориентированных на регулирование частноправовых отношений, связанных с иностранным порядком. Его востребованность обусловлена «не

только потребностью устранить различия во внутреннем праве государств..., но и тем обстоятельством, что внутреннее право нередко оказывается “неприспособленным” для регулирования столь своеобразных отношений»¹⁶. В связи с этим предложение специалистов Узбекистана представляется обоснованным.

2. Основные начала международного частного права¹⁷. Формулировка такой самостоятельной нормы представляет собой великолепную находку разработчиков Проекта, при этом весьма грамотно и профессионально обоснованную: «При регулировании частноправовых отношений невозможно охватить все отношения, и при решении возникающих споров важным является обращение к принципам международного частного права. Например, рассмотрение споров из международных коммерческих контрактов в международной практике часто требует применения общих принципов права. Таким образом, данная норма будет служить основой в регулировании частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, а также при разрешении споров, возникающих из таких отношений». Норма ст. 1133 фактически прямо устанавливает, что восполнение пробелов законодательного регулирования МЧП должно происходить прежде всего посредством обращения к принципам МЧП и правоприменитель должен ориентироваться именно на данный подход.

Принципы МЧП¹⁸ — интереснейшая и сложнейшая тема, которая активно разрабатывается в доктрине¹⁹. Однако многочисленные исследования пока не привели к выработке единообразного

¹⁶ Зевков В.П. К вопросу о соотношении материально-правового и коллизионного способов регулирования в международном частном праве // Сов. ежегодник международного права 1973. М., 1975. С. 289.

¹⁷ Статья 1133 «Основные начала международного частного права». Международное частное право основывается на принципах автономии воли сторон, взаимности, наиболее тесной связи сторон, равного применения иностранного права, публичном порядке, а также применения национального режима, режима наибольшего благоприятствования и специального режима.

¹⁸ «Содержание различных курсов, монографий и иных источников заставляет предположить: то, что в международном публичном праве, а также во внутрисоветских отраслях обозначается категорией “принципы”, в МЧП именуется “начала” (“основные начала”» (см.: Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий): дис... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 163).

¹⁹ См.: Kalensky P. Trends of private international law. Prague, 1971; Lipstein K. The General Principles of Private International Law. The Hague, Boston, London, 1981; Nussbaum A. Principles of Private International Law. New York, London, Toronto, 1943; Толочко О.Н. Принципы международного частного права // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 2. С. 24–26; Акимова Ю.М. Принципы международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

¹² См.: Ansel B. Histoire du droit international privé. Paris, 2008. P. 24–26; Castro L.P. Derecho internacional privado. Parte General. Oxford University Press México, 2000. P. 16.

¹³ Symeonides S.C. General Report / Private International Law at the End of the 20 Century: Progress or Regress? / ed. by S.C. Symeonides. Kluwer Law International, 2000. P. 11.

¹⁴ См.: пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Росс. газ. 2019. 17 июля.

¹⁵ См.: Зепалов А.В. Проблема метода международного частного права // Международное публичное и частное право. 2005. № 3. С. 13.

понятийного аппарата – какого-либо общего понятия «принципы МЧП» и их общепризнанного перечня не существует. В законодательстве о МЧП отдельных стран упоминаются принципы МЧП²⁰, но ни их понятие, ни их перечень легально не закрепляются.

При всей разнице доктринальных воззрений можно выделить ряд постулатов, которые большинство исследователей считает общими началами МЧП: 1) автономия воли сторон; 2) взаимность и международная вежливость; 3) наиболее тесная связь; 4) равное применение иностранного права; 5) защита национального правопорядка и предотвращение обхода закона; 6) защита слабой стороны отношения; 7) благоприятствование действительности отношения; 8) охрана приобретенных прав; 9) недискриминация; 10) применение национального режима и режима наибольшего благоприятствования. Перечень, естественно, является примерным и представляет собой тот минимум, который целесообразно легализовать в акте кодификации МЧП. Содержание каждого из этих принципов, в свою очередь, желательно кратко раскрывать в отдельных статьях закона. При этом ученые Узбекистана также склоняются к необходимости отражения принципов МЧП в законодательстве.

Для оптимизации нового регулирования представляется функциональным предложить разработчикам Проекта расширить перечень основных начал МЧП и позиционировать их в виде отдельных самостоятельных статей для большей «мобилизации» правоприменителя, для корректного учета им специфики рассмотрения споров, отягощенных иностранным элементом. Формулировки, в частности, могут быть следующими:

1) принцип «наиболее тесной связи»: «1. Частноправовые отношения, отягощенные иностранным элементом, регулируются правом страны, с которым они объективно имеют наиболее тесную связь. Содержащиеся в настоящем разделе положения относительно определения права, подлежащего применению, выражают этот принцип. 2. Если в соответствии с правилами настоящего раздела невозможно определить право, подлежащее применению, применяется право страны, с которым это частноправовое отношение, осложненное иностранным элементом, по силе других критериев имеет наиболее тесную связь»;

2) принцип «защиты слабой стороны отношения»: «Выбор права, подлежащего применению

в соответствии с правилами настоящего раздела, осуществляется с учетом принципа защиты слабой стороны отношения и подразумевает выбор права, наиболее благоприятного для такой стороны»;

3) принцип «благоприятствования действительности отношения»: «Если в соответствии с правилами настоящего раздела право, подлежащее применению к частноправовому отношению, выбирается судом альтернативно, то применимым всегда является правопорядок, благоприятствующий действительности отношения»;

4) принцип «охраны приобретенных прав»: «Любое субъективное право, надлежащим образом приобретенное согласно иностранной правовой системе, применимой в соответствии с положениями настоящего раздела, признается в Республике Узбекистан в той мере, в какой оно совместимо с публичным порядком».

3. Автономия воли сторон как принцип МЧП²¹. В обоснование своего решения разработчики Проекта указывают, что в действующем ГК РУз автономия воли закреплена в ст. 1189 гл. 71 (т.е. в Особенной части разд. VI, регулирующего отдельные институты МЧП). Однако автономия воли сторон является одним из принципов МЧП, ввиду чего объем, форму, время, обратную силу и условия изменения выбора права сторонами целесообразно отразить в Общей части.

Можно спорить о том, каким именно принципом МЧП является автономия воли сторон – общим или специальным (отраслевым). Во всех отраслях частного права автономия воли участников правоотношения является общим принципом и лежит в основе всех имущественных и связанных с ними неимущественных правоотношений между частными лицами (принцип свободы договоров; свобода иметь субъективные права или отказаться от них; свобода обращаться в государственные органы за их защитой или терпеть нарушения своих прав). Для целей МЧП целесообразно позиционировать: 1) как общий принцип – материально-правовую категорию автономии воли и 2) как специальный принцип – коллизионно-правовую категорию автономии воли (свобода выбора права, примененного к отношениям). При этом вне зависимости от того, в качестве какого – общего или специального – принципа МЧП мы определяем коллизионную автономию воли, право сторон на выбор применимого правопорядка целесообразно

²⁰ Статья 7 Закона о МЧП Хорватии: «В случае отсутствия в настоящем Законе положений, в соответствии с которыми определяется применимое... право, оно определяется на основе общих положений и принципов настоящего Закона, принципов правовой системы Республики Хорватии, а также принципов международного частного права».

²¹ Статья 1138 «Автономия воли». В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, участники (участник) правоотношений могут самостоятельно осуществлять выбор права, которое подлежит применению к содержанию отношений.

В случаях допущения выбора правовой нормы, если стороны не договорились об ином, применяются материально-правовые нормы выбранного права.

структурировать как отдельную норму. Наличие в законодательном акте о МЧП самостоятельной статьи структурно и содержательно позволяет трактовать коллизионно-правовую автономию воли именно как принцип МЧП.

Во многих национальных кодификациях МЧП, принятых после 2010 г., право сторон на выбор применимого закона закреплено в отдельной статье и тем самым прямо позиционируется как принцип МЧП (например, § 3 «Выбор права» Закона о МЧП КНР, ст. 4.1 Закона о МЧП Польши). Такой статус коллизионной автономии воли обусловлен всеобщей тенденцией МЧП – расширение спектра отношений, стороны которых вправе сами избрать применимый закон (трудовые, наследственные и брачные договоры, деликтные отношения, завещательные распоряжения). Кроме того, и стороны внутрихозяйственных сделок, в которых отсутствует имеющий значение для дела иностранный элемент, могут избрать иностранное право в качестве регулятора их отношений²².

Предложенная специалистами Узбекистана модель представляется вполне корректной. Такое решение ориентирует правоприменителя на максимальный учет согласованного мнения сторон о подлежащем применению праве, на то, что применение избранного субъектами отношения правопорядка в наибольшей степени соответствует их разумным ожиданиям.

4. Правовой режим отдельной территории²³. В соответствии с этой нормой по соглашению сторон к отдельным частнопроводным отношениям коммерческого характера или в пределах отдельной территории Республики Узбекистан может устанавливаться как подлежащее применению право иностранного государства или особая правовая система. По мнению разработчиков Проекта, новая норма нацелена на расширение «возможности экстерриториального применения иностранного права в Узбекистане или в его отдельных территориях». К сожалению, предлагаемая новелла сформулирована лаконично, в то время как в концептуальном отношении в ней сформулированы две различные, объемные и важные идеи: 1) в соответствии с частным соглашением сторон к трансграничным коммерческим отношениям может применяться вненациональное право,

²² См., напр.: пункт 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

²³ Статья 1134 «Правовой режим отдельной территории». В соответствии с принципом автономии воли сторон, а также законодательством Республики Узбекистан в рамках отдельных частнопроводных отношений коммерческого характера или отдельной территории Республики Узбекистан может устанавливаться право иностранного государства или отдельная правовая система.

т.е. *lex mercatoria*; 2) на основе частного волеизъявления в пределах отдельных территорий Узбекистана может действовать право другого государства или вненациональное право.

Право выбора сторонами международных коммерческих контрактов *lex mercatoria* в качестве регулятора их отношений в современном мире признается подавляющим большинством специалистов, закреплено в международных соглашениях²⁴, национальном законодательстве²⁵ и судебной практике²⁶. Однако действующее законодательство Узбекистана (включая новый Закон о международном коммерческом арбитраже²⁷) подобной возможности не предусматривает. Разработчики Проекта предлагают принципиально новое решение, востребованность и эффективность которого подтверждены мировой практикой: *lex mercatoria* как автономная, негосударственная, обособленная от национальных правопорядков система регламентации является оптимальным регулятором международной торговли.

Намного масштабным и революционным видится предложение о возможности действия иностранного или вненационального права не по предметному (отдельные отношения), а по территориальному принципу – в пределах отдельных территорий государства. Речь прежде всего идет о территориях свободных экономических зон, создание которых представляет собой один из приоритетов экономической политики страны (в частности, только в 2018–2019 гг. реализованы масштабные меры по превращению в СЭЗ городов Ангрен и Коканд, Гиждуванского, Ургутского и Хазараспского районов)²⁸.

Идея экстерриториального действия иностранного права в пределах какого-либо внутреннего анклава уже воплощена на практике в Казахстане. На решение специалистов Узбекистана повлияла деятельность Международного финансового центра «Астана» (МФЦА), открытого в 2018 г.

²⁴ Статья 12.1 Вашингтонской конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (ИКСИД/ICSID) (1965), ст. 9 Межамериканской конвенции о праве, применимом к международным договорам (1994).

²⁵ См.: статья 2651(d) ГТК Аргентины, ст. 13 Закона о МЧП Уругвая.

²⁶ См.: пункт 32 постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Росс. газ. 2019. 17 июля.

²⁷ См.: Закон Республики Узбекистан о международном коммерческом арбитраже от 16.02.2021 г. № ЗРУ-674. URL: <https://lex.uz/docs/5294087> (дата обращения: 08.02.2022).

²⁸ См.: Курбанова Н., Рахмонжанова Г. Общепланетарные принципы Узбекистана // World Science: Problems and Innovations: сб. ст. XXXI Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Пенза, 2019. Ч. 4. С. 205.

в Казахстане. Официальный язык МФЦА – английский, на его территории действуют принципы английского общего права. Функционирование по английскому праву представляет собой большое преимущество МФЦА, хотя «применение английского права на отдельно взятой территории – почти беспрецедентный и оригинальный ход»²⁹. При МФЦА функционируют Международный арбитражный центр и Суд МФЦА – независимый судебный орган, который обладает исключительной юрисдикцией в отношении споров, возникающих в связи с деятельностью МФЦА. Суд МФЦА является автономным и не входит в судебную систему Республики Казахстан; в нем действуют собственные правила процедуры, составленные на основе процессуальных норм Англии и Уэльса. В качестве судей выступают специалисты из стран общего права. В российской доктрине Суд МФЦА определяется как судебный орган *sui generis*, поскольку он обладает юрисдикцией в отношении «конституционных», инвестиционных, финансовых и трудовых споров, а также выдачи консультативных заключений по вопросам толкования норм права Центра»³⁰.

Специалисты Узбекистана предлагают более радикальное решение, имеющее сущностное отличие от модели Казахстана. Применение английского права и вненациональных правовых норм на территории МФЦА прямо санкционировано законодательно – в ст. 44 Конституционного закона Казахстана от 7 декабря 2015 г. № 438-V «О Международном финансовом центре “Астана”»³¹. Статья 1134 Проекта предлагает на основе общего волеизъявления законодателя предоставить право частным лицам по их соглашению между собой устанавливать некие территориальные анклав, в пределах которых можно будет обусловить действие иностранного права. Разумеется, применение как иностранного права, так и вненациональных правовых норм ограничивается защитными

²⁹ URL: <https://plus.rbc.ru/news/5fdca11b7a8aa9af2aa5efc3> (дата обращения: 08.02.2022).

³⁰ См.: Брановицкий К.Л. Актуальное правовое регулирование вопросов международной компетенции в правопорядках государств-членов ЕАЭС. Влияние отдельных правовых реформ Республики Казахстан на действующее международное регулирование в сфере гражданского процесса // Росс. юрид. журнал. 2018. № 6.

³¹ Статья 4 «Действующее право Центра»: 1. Действующее право Центра основывается на Конституции Республики Казахстан и состоит из: ... 2) не противоречащих настоящему Конституционному закону актов Центра, которые могут быть основаны на принципах, нормах и прецедентах права Англии и Уэльса и (или) стандартах ведущих мировых финансовых центров, принимаемых органами Центра в пределах предоставленных настоящим Конституционным законом полномочий... (см.: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39635390&pos=3;-108#pos=3;-108 (дата обращения: 08.02.2022)).

оговорками о запрете обхода закона, позитивном и негативном публичном порядке. Такая возможность расширения экстерриториального применения иностранного права представляет собой великолепную находку разработчиков Проекта. Если в законодательстве будет закреплен подобный подход, это, безусловно, повысит уверенность иностранных инвесторов в применении к ним наиболее благоприятного права и будет способствовать их привлечению в Республику Узбекистан.

5. Оговорка о публичном порядке³². Разработчики обосновывают свое решение тем, что «интересам международного частного права больше отвечают применение других подходящих норм данного иностранного правопорядка. К применению же норм национального права можно прибегнуть при несуществовании соответствующих норм иностранного права». В качестве образца в данном случае используются модели, закрепленные в законодательстве некоторых европейских стран (ст. 21 Кодекса МЧП Бельгии, ст. 45 Кодекса МЧП Болгарии).

Проблема публичного порядка (*ordre public*) связана со сложными правовыми механизмами МЧП. Это вопросы соотношения публичного и частного интересов, пределов вмешательства государства и его судебной системы в отношении между частными лицами, возможности сочетания автономии воли сторон с императивными нормами национальных законов, допустимости применения иностранного закона на территории другого государства³³. Защита национального правопорядка – один из принципов МЧП, реализация которого осуществляется посредством применения оговорки о публичном порядке. Однако само понятие «публичный порядок» стало «притчей во языцех» ввиду его неопределенности: «Неопределенность категории публичного порядка ныне возводится в один из принципов международного частного права»³⁴.

Оговорка о публичном порядке закреплена в законодательстве о МЧП *абсолютно всех государств*, и при ее использовании, естественно, везде возникает вопрос: если суд отказывает в применении

³² Статья 1141(1164) «Оговорка о публичном порядке». Норма иностранного права, подлежащая применению в соответствии с правилами настоящего раздела, в исключительных случаях не применяется, когда последствия явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Республики Узбекистан с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. В этих случаях применяется другое соответствующее положение этого права или, при необходимости, право Республики Узбекистан.

³³ См.: Карабельников Б.Р. Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей. Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и главам 30 и 31 АПК РФ 2002 г. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

³⁴ Луц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002. С. 271.

какой-либо нормы иностранного права по причине противоречия последствий ее применения публичному порядку страны суда, то в правовом регулировании имеет место пробел. Появляется проблема «замещения»: какая норма должна применяться вместо отвергнутой? Законодательство демонстрирует два основных подхода для решения данного вопроса:

1) вместо отвергнутой иностранной нормы суд применяет релевантную норму своего собственного права, т.е. выбирается линия наименьшего сопротивления – метод лексфоризма. По такому пути идет подавляющее большинство законодателей;

2) применяется другая релевантная норма отвергнутого иностранного правопорядка или норма другого иностранного права, определенного на основе критерия наиболее тесной связи (субсидиарно компетентного). Подобное решение встречается нечасто, поскольку оно может осложнить правоприменение судьям. Из ныне действующих кодификаций МЧП, принятых в XX в., данная модель воспринята только законодателями Португалии и Италии³⁵. Однако в XXI в. их примеру последовали не только болгарский и бельгийский, но и украинский и непальский законодатели³⁶. В связи с этим представляется возможным прогнозировать новую тенденцию развития института оговорки о публичном порядке в МЧП – решать проблему замещения посредством обращения не к праву страны суда, а к иностранному праву.

Эта тенденция находит свое отражение в Проекте. Решение специалистов Узбекистана представляется правильным, актуальным. Конечно, с практической точки зрения его реализация и воплощение в судебной практике будут сопряжены с большими сложностями, учитывая, в особенности, что суды Узбекистана в принципе нечасто применяют иностранное право. Однако с точки зрения перспектив развития права и судебной практики предложение разработчиков имеет стратегическую цель – судьи не смогут использовать оговорку о публичном порядке, чтобы просто «избавиться» от применения пугающего их иностранного права, и применение этого института в судах Узбекистана станет исключением.

6. Применение права страны с множественностью правовых систем³⁷. Действующую классическую континентальную модель косвенной отсылки,

³⁵ Статья 22 ГК Португалии, ст. 16 Закона о МЧП Италии.

³⁶ Статья 12 Закона о МЧП Украины, ст. 721 ГК Непала.

³⁷ Статья 1143(1166) «Применение права страны с множественностью правовых систем». При применении права страны, где действуют несколько территориальных или отличающихся правовых систем, применяется правовая система, применение которой в данном случае предусматривается правом этой страны.

При отсутствии такого порядка применяется право территории, с которой конкретные правоотношения связаны наиболее тесным образом.

предполагающую обращение к внутренним коллизионным нормам для решения интерлокальных коллизий, предлагается дополнить критерием наиболее тесной связи применительно к ситуациям, когда такие нормы отсутствуют. В обоснование своего предложения разработчики ссылаются на п. 3 разд. I Концепции, в котором предусмотрено «исключение или совершенствование норм, допускающих различное толкование либо требующих разъяснения по вопросам их применения на практике». Неопределенность и двусмысленность действующего регулирования заключаются в том, что оно «не предусматривает случаев неурегулирования данной проблемы, то есть отсутствия нормы, разрешающей межтерриториальные или межсистемные коллизии в законодательстве страны с множественностью правовых систем». В качестве модели для конструирования нормы были использованы ст. 7 Закона о МЧП Грузии, ст. 17.2 Кодекса МЧП Бельгии, ст. 3 Закона о МЧП Эстонии, § 6 Закона о МЧП КНР.

Ситуации интерлокальных коллизий свойственны подавляющему большинству правовых систем, поскольку не только в федеративных, но и в унитарных государствах существуют автономные территориальные образования, наделенные правомочием принимать собственное правовое регулирование в пределах своей территориальной компетенции. В МЧП выработана презумпция существования внутренних коллизионных норм, разрешающих интерлокальные коллизии. Однако эта презумпция является опровержимой, и не столько юридически, сколько фактически – в большинстве правопорядков затруднительно отыскать прямо выраженные внутренние коллизионные нормы. Как правило, косвенным образом они фиксируются в конституции страны, в нормах о разграничении законодательной компетенции (например, ст. 31, 71, 73, 74 Основного закона ФРГ). Одновременно далеко не во всех федерациях внутренние коллизионные нормы устанавливаются законодательно, например, в Австралии, Канаде, Аргентине, Мексике таких норм нет; кроме того, каждая территориальная единица в этих государствах имеет свои правила выбора применимого права³⁸. В еще большей степени эта проблема актуальна для унитарных государств, в частности в Соединенном Королевстве существует территориальный правовой плюрализм (право Англии и Уэльса, право Шотландии, право Северной Ирландии), при этом единообразные правила для разрешения интерлокальных конфликтов отсутствуют.

³⁸ См.: *Christandl G. Multi-Unit States in European Union Private International Law // Journal of Private International Law. 2013. Vol. 9:2. P. 241.*

Одним из немногих государств, имеющих унифицированные внутренние интерлокальные коллизионные нормы, является Королевство Испания (ст. 13–16 ГК). В праве этой страны закреплён институт *vecindad civil* («гражданское соседство», «гражданско-правовая область»), который определяет принадлежность лица к какой-либо территориальной единице Испании и, соответственно, компетентное законодательство. Однако испанские внутренние коллизионные нормы определяют применимый территориальный режим только в отношении подданных Королевства Испания. К иностранным гражданам (в том числе и проживающим на территории Испании) эти нормы не применяются³⁹.

Проблема интерлокальных коллизий не чужда и самому Узбекистану – унитарному государству, в состав которого входит Республика Каракалпакстан, имеющая суверенитет, собственную Конституцию и право выхода из состава Республики Узбекистан на основании всеобщего референдума народа Каракалпакстана⁴⁰. Если в суде какого-либо иностранного государства рассматривается спор, предполагающий применение права Узбекистана, а юридически значимые обстоятельства дела локализованы, например, в г. Нукус, то суду необходимо по меньшей мере задаться вопросом о наличии множественности правовых систем и способах решения узбекских интерлокальных коллизий. Без рассмотрения этого вопроса применение общих законодательных актов Узбекистана к спору, связанному с территорией Каракалпакстана, будет некорректным. К слову, внутренние коллизионные нормы в конституционных актах Узбекистана отсутствуют.

Реализация континентальной модели косвенной отсылки, предусматривающей необходимость обращаться к внутренним коллизионным нормам, сопряжена с затруднениями, которых не возникает в судах стран общего права. В законодательстве о МЧП стран общего права закреплена модель прямой отсылки, минимизирующая нормативную сложность и обеспечивающая большую предсказуемость выбора применимого права. В общем праве не существует различий между международными и интерлокальными коллизиями, и коллизионные нормы МЧП традиционно понимаются в том смысле, что они отсылают как к законодательству суверенных государств, так и к законодательству отдельных территориальных единиц. Модель прямой отсылки позволяет

обращаться напрямую к территориальным правовым режимам, поскольку принята юридическая фикция, приравнивающая территориальные образования к государствам «с целью выбора применимого права»⁴¹. Внутренние коллизионные нормы при этом не принимаются во внимание⁴².

Модель прямой отсылки также не лишена недостатков – игнорирование внутренних коллизионных норм может привести к извращению содержания иностранного права, его применения и толкования. Не случайно в международной и национальной практике разработана «субсидиарная модель», представляющая собой синтез косвенной и прямой отсылок. Синтетическая модель предполагает обращение к интерлокальным коллизионным нормам, при этом предусматривается ситуация отсутствия подобных правил. В таком случае используется общий субсидиарный принцип – применяется право той территориальной единицы, с которой отношение наиболее тесно связано. Обращение к субсидиарной модели является доминирующей тенденцией при кодификации и унификации МЧП (например, ст. 14 Рим III, ст. 36 Рим IV, ст. 1188 ГК РФ, ст. 9 Закона о МЧП Польши).

В связи со сказанным предлагаемое дополнение ст. 1143(1166), устанавливающее синтетическую модель отсылки, представляется актуальным. Ввиду фактического отсутствия внутренних коллизионных норм критерий наиболее тесной связи является эффективным, удобным, экономичным и достаточно корректным инструментом при применении права государства с множественностью территориальных правовых систем.

К сожалению, разработчики Проекта ограничились новацией регулирования только интерлокальных коллизий, не предложив дополнить норму отдельным положением, посвящённым разрешению интерперсональных коллизий (внутренних коллизий по кругу лиц). В настоящее время интерперсональные коллизии встречаются достаточно часто, отличаются повышенной сложностью и специфической разрешением, отличающей их от интерлокальных коллизий. Учитывая это, кодификации МЧП и акты европейского права⁴³ устанавливают отдельное регулирование интерперсональных коллизий, такой путь представляется оптимальным. Для

³⁹ См.: *Calvo Caravaca A.-L. and Carrascosa González J. Derecho Internacional Privado. Vol. I. Editorial Comares; 17th ed., 2017. P. 306–7.*

⁴⁰ См.: Конституция Республики Узбекистан. Принята 08.12.1992 г. на 11-й сессии Верховного совета Республики Узбекистан 12-го созыва (Глава XVII. Республика Каракалпакстан). URL: <https://lex.uz/docs/35869>; Конституция Республики Каракалпакстан. Принята 09.04.1993 г. Верховным советом Республики Каракалпакстан. URL: <https://nrm.uz/contentf?doc=390992> (дата обращения: 08.02.2022).

⁴¹ Статья 3077 ГК Квебека: «В случае, когда государство включает несколько территориальных единиц, имеющих самостоятельные законодательные органы, каждая территориальная единица рассматривается как отдельное государство». Модель прямой отсылки закреплена и в отдельных актах МЧП ЕС – ст. 22 Рим I, ст. 25 Рим II.

⁴² См.: *Christandl G. Op. cit. P. 241–243.*

⁴³ Закон о МЧП Японии, кодексы МЧП Бельгии и Болгарии, ГК Португалии, Афганистана, Квебека и Нидерландов, регламенты ЕС Рим III и Рим IV.

Узбекистана, учитывая роль ислама в истории, культуре и правовой системе этого государства, данная проблематика способна приобрести особую актуальность. Представляется, что ст. 1143 Проекта необходимо дополнить специальной частью о разрешении интерперсональных коллизий, закрепив синтетическую модель регулирования данного вопроса.

7. Основные направления совершенствования Общей части. Предлагаемые в Проекте изменения кардинальным образом меняют действующее регулирование Узбекистана. Если эти изменения будут приняты, Узбекистан получит юридически квалифицированное, доктринально обоснованное и актуальное законодательство по МЧП. Одновременно есть целый ряд вопросов, которые не получили своего отражения в Проекте или не подверглись необходимым новациям.

1. Общую часть (гл. 62 Проекта) необходимо существенно расширить. Глава 62 Проекта отличается излишним лаконизмом, чрезмерной «экономичностью». Легальное закрепление общих принципов и положений МЧП – вот первостепенная задача современного кодификационного процесса. Необходимо выработать и установить на уровне закона детальные и подробные общие подходы коллизионного регулирования, определенные рамки применения иностранного права. Национальный правоприменитель (особенно в судах первой инстанции) зачастую просто не понимает, что он обязан ставить коллизионный вопрос, устанавливая содержание иностранного права и применять его. Судьи часто не понимают, что правила выбора применимого права – это властные установления законодателя, они обязательны к применению, а отказ от их применения / неправильное применение может привести к отмене судебного решения. Общая часть – самая важная в структуре законодательства по МЧП, на ее объеме нельзя экономить. Наоборот, нужно закрепить в законе максимально большой спектр институтов Общей части, чтобы суд имел ориентир для корректного разрешения трансграничного частноправового спора. Необходимо помнить, что неправильный выбор применимого права может поставить под удар исполнение судебного решения за границей, что приведет к нарушению прав и интересов физических и юридических лиц страны суда. Установление общих законодательных принципов, целей и начал выбора применимого права важнее, чем выработка конкретных коллизионных правил; конкретные коллизионные нормы в конечном счете способна выявить и сформулировать правоприменительная практика.

2. Совершенно необходимо разработать глоссарий, поместив его в самое начало раздела или в самый конец в качестве заключительных положений. В МЧП много понятий, которыми изначально не

владеет правоприменитель, имеющий дело исключительно с национальным правом, обладающий определенной национальной ментальностью и мыслящий в категориях национального права. МЧП – материя сложная, это «высшая математика юриспруденции», и законодатель обязан помочь правоприменителю, выстроив для него «дорожную карту» – четкий понятийный аппарат. Во многих законах о МЧП⁴⁴ такой глоссарий есть, и разработчики Проекта имеют возможность воспользоваться имеющимся зарубежным опытом.

3. В ст. 1132(1158) Проекта дано *определение иностранного элемента* – «с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо осложненным иным иностранным элементом». Однако далеко не всегда наличие иностранного элемента влечет за собой постановку коллизионного вопроса, поскольку довольно часто просто наличие иностранного элемента не означает наличия юридически значимой связи правоотношения с иным правовым порядком. В судебной практике Узбекистана по семейным и наследственным делам довольно много дел с участием иностранных лиц, но вопроса о применимом праве не возникает, поскольку все обстоятельства дела имеют юридически значимую связь только с узбекским правовым порядком⁴⁵. В связи с этим целесообразно дать другую формулировку, широко воспринятую в законодательстве многих государств⁴⁶: *«частноправовые отношения, имеющие юридическую связь с правовыми порядками двух и более государств»*. В глоссарии целесообразно дать примерный перечень иностранных элементов.

4. Норму ст. 1159 «Правовая квалификация» разработчики предлагают оставить без изменений. Однако *правовая квалификация* – один из самых сложных институтов МЧП, поэтому его нужно урегулировать более детально, ориентируя правоприменителя на возможность квалификации понятий не только по национальному праву, но и по иностранному, на необходимость учета автономии воли сторон, международных юридических понятий и правил квалификации международных договоров. В качестве образца можно воспользоваться подходами, закрепленными в тунисском,

⁴⁴ Законы о МЧП Украины, Доминиканской Республики, Кодекс МЧП Панамы.

⁴⁵ См., напр.: Мирзо Улугбекский межрайонный суд по гражданским делам г. Ташкента 13.11.2015 дело № 1-5933/15; Мирзо Улугбекский межрайонный суд по гражданским делам г. Ташкента от 17.01.2020 № 1-115/3569/20; Мирзо Улугбекский межрайонный суд по гражданским делам г. Ташкента от 25.10.2018 № 1-5414/18; Мирзо Улугбекский межрайонный суд по гражданским делам г. Ташкента 19.01.2017 № 1-252/6484/17.

⁴⁶ Закон о МЧП Австрии, кодексы МЧП Болгарии и Туниса.

румунском и болгарском МЧП⁴⁷. Действующую норму ст. 1159 как минимум необходимо дополнить следующими пунктами: «1. В случае обратной отсылки квалификация осуществляется согласно иностранному праву, которое отсылает к праву Республики Узбекистан. В случае отсылки к праву третьей страны квалификация осуществляется согласно праву этой третьей страны. 2. Если стороны самостоятельно определили содержание понятий, имеющих отношение к правоотношению, квалификация этих понятий осуществляется в соответствии с волей сторон. 3. При квалификации надлежит учитывать международные юридические понятия и основные начала международного частного права. 4. Квалификация понятий, закрепленных в международных договорах, осуществляется исходя из конкретных понятий, данных международных договоров».

5. Статья 1136(1160) «Установление содержания иностранного права» не претерпела принципиальных изменений, хотя разработчики предлагают добавить важный пункт: «По требованиям, связанным с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности, обязанность по предоставлению сведений о содержании норм иностранного права может быть возложена судом на стороны». Добавление важное и нужное, но этого недостаточно. Законодатель обязан прямо ориентировать правоприменителя на то, что **установление содержания иностранного права** – это его прямая обязанность, и даже содействие сторон не освобождает суд от ее исполнения. Основным способом установления содержания должна быть самостоятельная исследовательская деятельность суда, которому в этих целях надлежит по собственной инициативе обращаться к экспертам, прежде всего к собственным гражданам – специалистам по МЧП и сравнительному праву. Судьи часто не понимают, что они обязаны применять иностранное право и что отказ от его применения и установления содержания – это прямое нарушение собственной коллизионной нормы, т.е. нарушение национального законодательства. Необходимо, чтобы у судей сформировалась устойчивая привычка: по делам с иностранным элементом всегда нужно привлечь местных специалистов, которые истолкуют как содержание национальной нормы МЧП, так и помогут в установлении содержания иностранного права. В самом начале статьи целесообразно прямо сформулировать: «Установление содержания применимого иностранного права является обязанностью суда в силу его должностных полномочий». Кроме того, судей необходимо обязать принимать во внимание представленные сторонами документы,

подтверждающие содержание норм иностранного права, составленные надлежащим образом в соответствии с требованиями закона.

6. В качестве отдельной статьи необходимо выделить **«толкование и применение иностранного права»**, которая устанавливает обязанность судьи применять норму иностранного права. Самостоятельная норма – это указание суду, определение поставленной перед ним задачи, выполнение которой представляет собой прямое требование закона. В этой норме целесообразно также прописать разрешение интертемпоральных коллизий, поскольку «решение вопросов действия иностранного закона во времени на основе ст. 1166 ГК вряд ли возможно. Буквальное толкование этой нормы позволяет применять ее лишь для разрешения коллизий между несколькими правовыми подсистемами (но не отдельными законами!), одновременно действующими на территории одного государства»⁴⁸. Соответствующая статья может быть сформулирована следующим образом: «1. Право, подлежащее применению в соответствии с настоящим разделом, толкуется и применяется в соответствии с правилами толкования и применения, существующими в правовой системе, которой это право принадлежит. 2. Иностранное право применяется согласно его собственным критериям толкования и применения во времени. 3. Толкование и применение иностранного права осуществляется судом с учетом: 1) инструментов, указанных в международных конвенциях; 2) мнений экспертов-специалистов из Республики Узбекистан и страны, чей закон должен быть применен; 3) мнений специализированных учреждений сравнительного правоведения. 4. Неприменение или неправильное применение иностранного права является основанием для отмены судебного решения в апелляционном или кассационном порядке».

7. По вопросу **обратной отсылки** (ст. 1137(1167)) разработчики предлагают принимать только отсылку первой степени по вопросам личного статуса физических лиц. Следует отметить, что действующее регулирование, допускающее применение отсылки второй степени (к праву третьей страны) содержит более взвешенное решение, чем предложено в Проекте. Во многих юрисдикциях (Швейцария, Франция, частично Румыния, ФРГ и др.) есть возможность отказать в признании и исполнении иностранного решения по причине, что суд другой страны выбрал право иное, нежели то, которое подлежит применению в соответствии с предписаниями местных коллизионных норм. Во избежание подобной ситуации необходимо принимать отсылку обеих

⁴⁷ Статья 27 Кодекса МЧП Туниса, ст. 2.558 ГК Румынии, ст. 3, 39 Кодекса МЧП Болгарии.

⁴⁸ Рахманкулов Х.Р., Асъянов Ш.М. (ред.) Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Узбекистан. Ташкент, 2011. Т. 3. С. 428, 429.

степеней – как обратную, так и к праву третьей страны. При этом в глоссарии нужно определить понятие отсылок и какая отсылка является окончательной. Норму целесообразно переработать концептуально, частично взяв за образец решение законодателя Португалии или Северной Македонии⁴⁹.

8. В качестве отдельных статей целесообразно включить регулирование *предварительных и побочных вопросов* (сложнейший вопрос, который судьи не понимают по определению и нуждаются в указании законодателя); *адаптации* (возможность применения разных правопорядков при выборе права или кумулятивных коллизионных норм неизбежно порождает такую проблему – суду нужно дать хоть какое-то общее указание); *мобильного конфликта* (наличие отдельных положений об определении момента времени в специальных нормах не умаляет необходимости закрепить общую норму). Можно предложить следующие формулировки:

1. *Предварительные и побочные вопросы.* Право, применимое к предварительным или побочным вопросам, которые могут возникнуть в связи с существом отношения, определяется для каждого такого вопроса отдельно в соответствии с правилами настоящего раздела.

2. *Адаптация.* В тех случаях, когда различные аспекты одного и того же отношения или правового статуса регулируются различными правопорядками, они должны применяться гармонично, с достижением целей, преследуемых каждым из таких правопорядков. Трудности, вызванные одновременным применением различных правопорядков, разрешаются с учетом требований справедливости в каждом конкретном случае.

3. *Мобильный конфликт.* 1. Для длящихся правоотношений объективный элемент привязки к какому-либо правопорядку определяется на момент возникновения таких правоотношений. Последующие изменения объективного элемента не влияют на уже законченные фактические составы. Если, однако, на момент возникновения своих юридических последствий правоотношение связано с иным правопорядком, применяется право страны, определенное по критерию наиболее тесной связи. 2. Если стороны договариваются о том, что выбранное право подлежит применению в том виде, в котором оно действует в момент заключения договора, то положения этого права должны применяться в качестве материально-правовых положений, инкорпорированных в договор. Если, однако, применимое право было изменено или отменено нормами непосредственного применения, которые подлежат применению к договору, то такие нормы подлежат применению.

⁴⁹ Статьи 16–19 ГК Португалии, ст. 7 Закона о МЧП Северной Македонии.

Заключение. В ходе подготовки Проекта его разработчики использовали впечатляющий массив национальных нормативных правовых актов по МЧП (Вводный закон к Германскому гражданскому уложению, гражданские кодексы Литвы и Российской Федерации, законы о МЧП Эстонии, Швейцарии, Италии, Южной Кореи, Украины, Польши, Грузии, КНР, кодексы МЧП Бельгии, Болгарии, Турции) и широкий спектр международно-правовых актов (Конвенцию ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, унифицированные правила МТП, регламенты ЕС). Широкое использование законодательных моделей, закрепленных в МЧП других государств, следует отметить как одно из самых больших достоинств Проекта. МЧП не имеет национальной специфики, коллизионные нормы – это прежде всего нормы юрико-технического характера. Рецепция зарубежных правил выбора применимого права помогает разработать одинаковые коллизионные подходы, которые помогут обеспечить единообразие судебных решений. Одинаково сформулированные в законах разных стран коллизионные нормы приводят к выбору одного и того же правопорядка вне зависимости от того, суд какой страны рассматривает спор. Разработчики Проекта проанализировали кодификации МЧП других государств и восприняли актуальные подходы к решению коллизионных проблем. Предлагаемая специалистами Узбекистана модель коллизионного регулирования учитывает современные тенденции развития МЧП и содержит достаточно гибкие, но при этом вполне определенные и предсказуемые правила выбора применимого права, соответствующие законным ожиданиям сторон.

Однако с точки зрения тенденций процесса кодификации МЧП Проект является кратким, не предлагает необходимой детализации объемов и необходимой вариативности привязок коллизионных норм. *Экономить на законодательстве по МЧП – плохое решение, создающее излишние трудности для правоприменителя.* Выбор права – это сложнейший процесс, он должен быть урегулирован максимально подробно и детально, но одновременно гибко, чтобы суд мог учитывать конкретные обстоятельства конкретного дела. В законодательстве по МЧП лучше иметь большой спектр «спящих» норм (*nude jus*), нежели большой спектр пробелов, которые, как показывает мировая практика, приводят к «юридическому шовинизму» и угрожают инвестиционной привлекательности страны. Иностранцы должны быть уверены в справедливости судебного процесса, а одной из гарантий такой справедливости выступает корректный выбор применимого права. Корректность такого выбора, в свою очередь, напрямую зависит от уровня разработанности коллизионных норм, их

детальности и вариативности, правильного сочетания гибкости и предсказуемости.

В настоящий момент у экспертного сообщества и законодателя Республики Узбекистан есть шанс создать образцовую модель внутриотраслевой кодификации МЧП, лучшую на азиатском континенте и опережающую европейские образцы. Этим шансом необходимо воспользоваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акимова Ю. М.* Принципы международного частного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
2. *Ануфриева Л. П.* Соотношение международного публичного и международного частного права (сравнительное исследование правовых категорий): дис... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 163.
3. *Брановицкий К. Л.* Актуальное правовое регулирование вопросов международной компетенции в правопорядках государств-членов ЕАЭС. Влияние отдельных правовых реформ Республики Казахстан на действующее международное регулирование в сфере гражданского процесса // Росс. юрид. журнал. 2018. № 6.
4. *Звеков В. П.* К вопросу о соотношении материально-правового и коллизионного способов регулирования в международном частном праве // Сов. ежегодник международного права 1973. М., 1975. С. 289.
5. *Зепалов А. В.* Проблема метода международного частного права // Международное публичное и частное право. 2005. № 3. С. 13.
6. *Карабельников Б. Р.* Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей. Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и главам 30 и 31 АПК РФ 2002 г. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
7. *Курбанова Н., Рахмонжанова Г.* Общепланетарные принципы Узбекистана // World Science: Problems and Innovations: сб. ст. XXXI Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Пенза, 2019. Ч. 4. С. 205.
8. *Луниц Л. А.* Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002. С. 271.
9. *Новикова Т. В.* Коллизионный и материально-правовой методы международного частного права: соотношение и взаимодействие // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 32. С. 153.
10. *Рахманкулов Х. Р., Асиянов Ш. М.* (ред.) Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Узбекистан. Ташкент, 2011. Т. 3. С. 428, 429.
11. *Толочко О. Н.* Принципы международного частного права // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 2. С. 24–26.
12. *Ansel B.* Histoire du droit international privé. Paris, 2008. P. 24–26.
13. *Calvo Caravaca A.-L. and Carrascosa González J.* Derecho Internacional Privado. Vol. I. Editorial Comares; 17th ed., 2017. P. 306–7.
14. *Castro L. P.* Derecho internacional privado. Parte General. Oxford University Press México, 2000. P. 16.

15. *Christandl G.* Multi-Unit States in European Union Private International Law // Journal of Private International Law. 2013. Vol. 9:2. P. 241–243.
16. *Kalensky P.* Trends of private international law. Prague, 1971.
17. *Lipstein K.* The General Principles of Private International Law. The Hague, Boston, London, 1981.
18. *Nussbaum A.* Principles of Private International Law. New York, London, Toronto, 1943.
19. *Rakhmonkulova N.* Issues of Improving the Legal Documents' Codification of the Private International Law // The Advanced Science Journal. 2015. Issue 4. P. 96–98.
20. *Symeonides S. C.* General Report / Private International Law at the End of the 20 Century: Progress or Regress? / ed. by S. C. Symeonides. Kluwer Law International, 2000. P. 11.

REFERENCES

1. *Akimova Yu. M.* Principles of Private International Law: dis. ... PhD in Law. M., 2015 (in Russ.).
2. *Anufrieva L. P.* Correlation of Public International and Private International Law (comparative study of legal categories): dis. ... Doctor of Law. M., 2004. P. 163 (in Russ.).
3. *Branovitsky K. L.* Actual legal regulation of issues of international competence in the legal order of the EAEU Member states. The influence of certain legal reforms of the Republic of Kazakhstan on the current international regulation in the field of civil procedure // Russ. legal journal. 2018. No. 6 (in Russ.).
4. *Zvekov V. P.* On the question of the correlation of substantive and conflict-of-law methods of regulation in Private International Law // Soviet Yearbook of International Law 1973. M., 1975. P. 289 (in Russ.).
5. *Zepalov A. V.* The problem of the method of Private International Law // Public International and Private Law. 2005. No. 3. P. 13 (in Russ.).
6. *Karabelnikov B. R.* Enforcement and challenging of decisions of international commercial arbitrations. Commentary to the New York Convention of 1958 and Chapters 30 and 31 of the APC of the Russian Federation. 2002. 3rd ed., reprint and additional. M., 2008 (in Russ.).
7. *Kurbanova N., Rakhmonzhanova G.* General planetary principles of Uzbekistan // World Science: Problems and Innovations: sat. art. XXXI International Scientific and Practical conference: in 4 parts. Penza, 2019. Part 4. P. 205 (in Russ.).
8. *Lunts L. A.* Course of Private International Law: in 3 vols. M., 2002. P. 271 (in Russ.).
9. *Novikova T. V.* Conflict of laws and substantive methods of Private International Law: correlation and interaction // Herald of the Tomsk State University. law. 2019. No. 32. P. 153 (in Russ.).
10. *Rakhmankulov H. R., Asyanov Sh. M.* (ed.) Commentary on the Civil Code of the Republic of Uzbekistan. Tashkent, 2011. Vol. 3. P. 428, 429 (in Russ.).
11. *Tolochko O. N.* Principles of Private International Law // Belarusian Journal of International Law and International Relations. 2001. No. 2. P. 24–26 (in Russ.).
12. *Ansel B.* Histoire du droit international privé. Paris, 2008. P. 24–26.

13. *Calvo Caravaca A.-L. and Carrascosa González J.* Derecho Internacional Privado. Vol. I. Editorial Comares; 17th ed., 2017. P. 306–7.
14. *Castro L.P.* Derecho internacional privado. Parte General. Oxford University Press México, 2000. P. 16.
15. *Christandl G.* Multi-Unit States in European Union Private International Law // Journal of Private International Law. 2013. Vol. 9:2. P. 241–243.
16. *Kalensky P.* Trends of private international law. Prague, 1971.
17. *Lipstein K.* The General Principles of Private International Law. The Hague, Boston, London, 1981.
18. *Nussbaum A.* Principles of Private International Law. New York, London, Toronto, 1943.
19. *Rakhmonkulova N.* Issues of Improving the Legal Documents' Codification of the Private International Law // The Advanced Science Journal. 2015. Issue 4. P. 96–98.
20. *Symeonides S.C.* General Report / Private International Law at the End of the 20 Century: Progress or Regress? / ed. by S.C. Symeonides. Kluwer Law International, 2000. P. 11.

Сведения об авторах

ГЕТЬМАН-ПАВЛОВА Ирина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

КАСАТКИНА Александра Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента правового регулирования бизнеса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

РУСТАМБЕКОВ Исламбек Рустамбекович – доктор юридических наук, профессор, проректор Ташкентского государственного юридического университета; 100047 Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Сайилгох, д. 35

Authors' information

GETMAN-PAVLOVA Irina V. – PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law of the National Research University “Higher School of Economics”; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

KASATKINA Alexandra S. – PhD in Law, associate Professor, Deputy Head of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law of the National Research University “Higher School of Economics”; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

RUSTAMBEKOV Islambek R. – Doctor of Law, Professor, Vice-Rector of the Tashkent State University of Law; 35 Sayilgokh str., 100047 Tashkent, Republic of Uzbekistan